

12 НОЯ 1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

ДРАМАТУРГ-ГРАЖДАНИН

ОГДА «Литературная газета» попросила меня написать о драматургии Александра Корнейчука, я очень обрадовался. Писать о другом — это все равно, что написать ему письмо, даже больше: многое из того, о чем не скажешь в письме, напишешь в статье о нем.

Когда мы встречаемся с Корнейчуком в Балтийском море на палубе советского корабля, или в купе вагона «Хельсинки — Ленинград», или в холле одной из европейских гостиниц, или в перерыве между заседаниями Бюро Всемирного Совета Мира, мы сразу же спрашиваем друг друга: «Что ты пишешь?».

В большинстве случаев он рассказывает мне о принципах своей драматургии, ссылаясь на примеры из новых пьес, над которыми работает. Я лично, с некоторыми из его принципов согласен, с некоторыми — нет. Но в основном мы мыслим едино: драматургия, как и любой вид художественного творчества, должна рассказать о человеке, показать его внутренний и внешний мир; драматургия, рассказывая человеку о человеке, помогает ему развиваться в себе добро, красоту, смелость, справедливость.

Чтобы написать эти короткие заметки о драматургии Корнейчука, мне недостаточно было вспомнить его пьесы, которые я видел, его высказывания о драматургии. Я перечитал его трехтомник, изданный Государственным издательством художественной литературы в 1956 году в переводе на русский язык — в большинстве случаев самого автора. Предисловие написано Е. Горбуновой. Со многими

положениями ее статьи я согласен. Но есть у меня одно маленькое возражение. Е. Горбунова, рассказывая о том, что в 1929 году была поставлена пьеса Корнейчука «Каменный остров», в 1931 году — «Штурм», в 1932 году — комедия «Фиолетовая щука», пишет: «Однако эти ранние произведения имели существенные недостатки. В них заметно ощущалось влияние формалистической моды. Пьеса дробилась на множество мелких эпизодов, нарушалась целостность сюжета, логическое развитие характеров, действие без всякой необходимости переносилось из одного места в другое. Сам Корнейчук очень скоро убедился в бесплодности этих приемов и отказался от них».

Об этих пьесах, написанных, — как говорит автор статьи, — под влиянием формализма, я ничего не могу сказать, поскольку они не вошли в трехтомник сочинений А. Корнейчука. По-моему, они должны были войти в него. Во-первых, для того, чтобы показать читателям путь развития драматурга, во-вторых, среди читателей могли бы найтись люди, которые не разделили бы точку зрения критика и даже самого писателя. Кроме того, критик считает одним из проявлений формализма раздробление пьес на множество мелких эпизодов. Но что же в таком случае мы можем сказать о многих пьесах Шекспира? По-моему, пьеса может сохранять три единства, может быть написана по всем канонам классической драматургии и, несмотря на это, может быть формалистической. Формализм начинается тогда, когда нет соответствия между содержанием и формой.

В пьесах Корнейчука, которые я прочел, содержание совпадает с формой и определяет форму, поэтому они не формалистические. Но среди всех пьес Корнейчука есть одна, — мне больно говорить об этом, — в которой я не нашел этого соответствия. Я говорю о «Крыльях». На мой взгляд, содержание пьесы таково, что она могла бы стать самой сильной пьесой А. Корнейчука. Но мне кажется, что драматург с огромной гражданской смелостью, партийностью и гуманизмом подошел к теме, но не смог глубоко и ясно разрешить ее.

Я люблю творчество Корнейчука. Драматург великолепно постиг свое ремесло. Если бы он не был мастером своего дела, то, несмотря на партийность, гуманность, гражданственность своих тем, он не сумел бы создать «Платона Кречета» и «Фронт». Я люблю драматургию Корнейчука, потому что его искусство способствует процессу формирования нового человека. Герой Корнейчука — это советский человек со своими достоинствами и слабостями, данный в развитии. Разница между героями Корнейчука заключается в том, насколько они близки или далеки от идеального советского человека. Поэтому в его драматургии нет странного, не соответствующего жизни советских людей понятия «простого советского человека».

Большинство героев Корнейчука — украинцы. Но эти украинцы в то же время — советские люди, поэтому на большие события времени они реагируют так же, как реагировали бы русские или армяне.

Драматургия Корнейчука стремится правдиво отражать действительность. Поэтому национальные особенности характеров ее героев органически сочетаются с особенностями советского характера. Это замечательное проявление пролетарского интернационализма в советской драматургии.

Корнейчук — лирик, он любит юмор, он эпичен, но прежде всего он — гражданин.

Я рад, что в канун открытия декады украинской литературы и искусства могу написать эти заметки о драматургии Корнейчука и в этих немногих строках выразить свою любовь и уважение к украинским мастерам.

Назым ХИКМЕТ